

Важнейшей тенденцией, также свидетельствующей о выравнивании литературно-критической мысли в странах Запада во второй половине XX в. является бурное вторжение в литературоведение постструктурализма с его отказом от логоцентризма западной философской традиции. Вся вторая половина XX столетия отмечена функционированием широкого и влиятельного интердисциплинарного идейно-эстетического течения, получившего название «постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистского комплекса» (И. Ильин), охватившего различные сферы гуманитарного знания, в том числе и литературоведение. Его теоретиками стали французские исследователи Ж. Лакан, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар и др. Ярким примером сдвига от структурализма к постструктурализму явилась книга Р. Барта «S/Z» (1970).

Постструктурализм постепенно вызревал в недрах структурализма и вплоть до середины 70-х годов продолжал существовать параллельно с ним. Лишь к началу 80-х стала ощутимой смена парадигмы внутри структурализма, разрыв с предшествующей традиций. Распространение идей постструктурализма в США в конце 70-х годов, получивших название «деконструктивизма», и выход в свет так называемого «Йельского манифеста» (1979) заставили исследователей признать постструктурализм самостоятельным течением в литературоведении.

Ключевой фигурой постструктурализма бесспорно является французский семиотик, философ, культуролог Жак Деррида, чьи многочисленные труды, — начиная с книги «Голос и феномен: Введение в проблему знака в феноменологии Гуссерля» (1967) и до работы «Психея: Открытие другого» (1987), — характеризуют его и как литературоведа. В деятельности этого ученого осуществлена глубинная взаимосвязь основных направлений теоретической мысли Запада в XX столетии, что позволило американскому философу Дж. Кануто в книге «Радикальная герменевтика: Повтор, реконструкция и герменевтический проект» (1987) посчитать французского ученого продолжателем «герменевтического проекта» Гуссерля и Хайдеггера. Ж. Деррида сочетал это с решительной критикой основного принципа структурализма — «структурности структуры». Он стал ключевой фигурой и в формировании американского деконструктивизма. Широкое распространение концепции Ж. Деррида получили лишь к концу 70-х годов, когда появились переводы работ «О грамматологии» (1976), «Речь и феномены» (1978), «Письмо и различие» (1978) и после прочтения им курса лекций в ведущих университетах США. Деконструктивизм в США был представлен сначала небольшой группой критиков: Х. Блум, Е. Донато, Поль де Ман,

Дж. Хартман, Дж. Хиллис Миллер и Дж. Риддел. К концу 70-х к ним присоединились более молодые — Ш. Фелман, В. Джонсон, Дж. Мелман, Г. Спивак и др. Они образовали так называемую Йельскую школу, просуществовавшую до середины 80-х годов.

В целом деконструктивизм предпринял резкую критику и структуриализма, и герменевтической феноменологии; в соответствии с этим, а также в результате предпочтения «деструктивного действия» нередко он именуется постструктурализмом, или «постфеноменологией».

Многие из американских деконструктивистов начинали в русле феноменологии и прошли путь к деконструктивизму, минуя структуриализм, потому что в США и структуриализм, и деконструктивизм возникли как альтернативы феноменологии примерно в одно и то же время. Так, Каллер, Принс, Риффатерр, Скоулз выбрали структуриализм, тогда как П. де Манн, Донато, Риддел, Миллер — деконструктивизм. Именно они ранее были феноменологами. Молодые американские критики, получившие образование в 60—70-е годы, стали постструктуралистами, не имея структуралистской практики, и постфеноменологами, не пройдя школы феноменологии. Многие американские деконструктивисты, воспитанные на концепциях «новой критики», восприняли у Жака Деррида лишь методику текстуального анализа, а его философская проблематика осталась за пределами их интересов.

Соссюровский структуриализм Ж. Деррида характеризовал как последний пункт логоцентризма западной метафизической традиции, идущей от Платона и Аристотеля к Хайдеггеру и Леви-Строссу. Матрицей логоцентризма было определение «бытия как присутствия». Письмо оценивалось как некое присутствие голоса, вторичная речь, как средство выразить голос в качестве инструментального заменителя присутствия. Динамика такого «фоноцентризма» вобрала в себя целый культурный свод аксиологических оппозиций: голос/письмо, сознательное/бессознательное, реальность/образ, вещь/знак, означаемое/означающее и т. д., — где первый термин получает привилегированное положение. Структуриализм Соссюра, как считал Ж. Деррида, располагается внутри этой эпистемологической системы. В противоположность структуриализму Ж. Деррида утверждал, что письмо (*écriture*) — источник, начало языка, а отнюдь не голос, транспортирующий сказанное слово. Он перевернул традиционные логоцентрические полярности: письмо/голос, бессознательное/сознательное, означаемое/означающее и т. д.

Деррида пересмотрел логоцентрическую концепцию структуры, согласно которой структура зависела от центра. Функция состояла в стабилизации элементов системы, какой бы она ни была: метафизической, лингвистической, антропологической, научной, психологиче-

ской, экономической, политической или теологической. Какой бы сложной ни была логоцентрическая система, центр структуры гарантирует ее сбалансированность и организованность. Все традиционные центры имели одну цель — детерминировать «бытие как присутствие». Вокруг центра шла игра элементов структуры, но сам он в ней не участвовал. Центр ограничивал свободное движение или игру структуры; трансформация или перестановка членов запрещалась. Разрыв с традицией происходил в тот момент, когда структурность структуры стала предметом рефлексии, когда возникла мысль о том, что центра нет, что центр не имеет естественного местонахождения, что он не есть постоянное место, а «есть функция, не-место, где идет постоянная игра подстановок знаков» (Ж. Деррида).

Новизна подхода деконструктивизма к понятию структуры — в освобождении от установки на центр, каким бы и где бы он ни был, в достижении абсолютного отсутствия центра, точно так же нет такого слова, в котором содержалось бы происхождение его смысла. Смысл слов не в них, а между ними, и язык — всего лишь система различий, отсылаемых всеми элементами друг другу. Слово-ключ не существует, так же как и центр. Тогда-то, в отсутствие центра, язык вторгается в область универсальной проблематики, все становится речью, т. е. системой, в которой центральное обозначение никогда в абсолютном смысле не присутствует вне системы; отсутствие трансцендентного обозначаемого расширяет до бесконечности поле и игру значений.

Таким образом, Ж. Деррида выделил две исторические модели интерпретации — логоцентрическую и деконструктивную. Он предпринял деконструктивную атаку на логоцентризм структурализма. Деконструктивизм отличается от структурализма своим скептицизмом по отношению к лингвистической стабильности, структурности как таковой, философскому бинаризму, метаязыку. Смерть субъекта, провозглашенная структурализмом, была усилена деконструктивизмом, который провозгласил смерть человека и гуманизма.

Теория языка деконструктивистов размывала привязанность языка к концепциям и референтам. Язык детерминирует человека больше, чем человек детерминирует язык. Язык конституирует бытие; ничто не стоит за ним. Экстралингвистическая реальность — иллюзия. Вне текста нет ничего. Краеугольный камень деконструктивизма — текстуальность, которая завладевает онтологией. Литературный текст не вещь в себе, но отношение к другим текстам, которые, в свою очередь, также являются отношениями. Изучение литературы, таким образом, — это изучение интертекстуальности. Не существует нериторического, или научного, метаязыка критического письма, как бы ни ратовали за него структурализм и семиотика. Литературная

критика не может произвести строго «научный» анализ литературного текста. Редуцировать текст до «правильного», единственного, гомогенного прочтения — значит ограничить свободную игру его элементов. К середине 80-х годов о деконструктивизме в западной критике было написано больше, чем о какой-либо другой школе или движении. Деконструктивисты США заняли прочные позиции в университетах, ведущих издательствах и журналах, возглавили многие профессиональные организации.

Серьезные американские ученые озабочены проблемой национального своеобразия литературоведения. Книги Дж. Хартмана «За пределами формализма» (1970) и «Критика в пустыне» (1980) освещали состояние дел в литературоведении США в 60-е и 80-е годы. Первая книга — это характерная, но неудавшаяся попытка выработать критические принципы на основе соединения методов «пристального прочтения» (свойственного «новой критике») и феноменологических концепций. Вторая книга — это попытка противопоставить натиску деконструктивистского релятивизма и нигилизма собственно англосаксонские критические традиции, сохранить самобытность в условиях господствующего влияния новейших модификаций французского структурализма. Метафорическое название книги, взятое из статьи английского поэта и критика XIX в. М. Арнолда, воплощает основную беспокоящую критика идею.

Для английских деконструктивистов характерна ориентация на фигуру Ж. Лакана. Стремление вслед за ним теоретически оправдать процесс растворения, или децентрации, субъекта творчества объединяет столь разных английских исследователей, как Розалинда Кауард, Джон Эллис, Кэтлин Белей, Колин Маккейб, Стивен Хит, Э. Истхоуп и др. Ж. Лакан как бы ставит последнюю точку в пронизывающей весь XX в. проблеме «означаемо-означающее». Он призывал «не поддаваться иллюзии, что означающее отвечает функции репрезентации означаемого». Лакан освободил означающее от зависимости от обозначаемого, ввел понятие «скользящего», или «плавающего, означающего», отметил способность означающих к «игре» в отрыве от означаемого. Мысль Лакана о замещении предмета или явления знаком, связанная с утверждением отсутствия этого предмета или явления, — основа всей знаковой теории постструктурализма. На этом же постулате Жак Деррида построил теорию «следа».

В последнее десятилетие XX в. появились работы, авторы которых пытаются провести диалог между сторонниками деконструкции и ее противниками. Профессор Калифорнийского университета Дж. Эллис в своей книге «Против деконструкции» (1989) критикует деконст-